

DOI 10.18522/2500-3224-2024-1-96-106

УДК 94(47).081.930.23

НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО ИСТОРИИ ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: НЕГЛАСНЫЕ ТАБУ, АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЦЕНЗУРА И САМОЦЕНЗУРА

Гайденко Павел Иванович

Московский государственный лингвистический университет,
Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана,
Москва, Россия
prof.gaydenko@rambler.ru

Аннотация. «Очерки бурсы» Н.Г. Помяловского — яркое и убедительное свидетельство жизни низших и средних духовных учебных заведений дореволюционной России. Написанное живым и образным языком середины XIX в., оно оказалось понятным читателям и более поздних эпох. Однако образы этого произведения, описанные реалии которого нашли свое подтверждение во множестве иных художественных произведений и дневниковых записях о жизни семинарий и бурс, вступают в противоречие с тем, как воссоздается внутренняя жизнь этих духовных учебных заведений в современных научных публикациях. Исследователи либо стараются не замечать внутренние нестроения этих школ, либо старательно снижают влияние этих проблем на жизнь церкви и самих учебных корпораций. Одной из важнейших причин появления столь формальных и поверхностных в своем анализе публикаций видится сознательный отказ современных историков видеть за социальными и политическими процессами, протекавшими в духовных учебных заведениях, специфическую среду, живых людей и особые межличностные и социальные отношения. Отмеченная ситуация ставит под вопрос научную добросовестность как такого подхода к изучению религиозной жизни, так и отказа от антропологических подходов к реконструкции прошлого. Не меньшая проблема — непонимание большинством исследователей особенностей жизни духовных школ, их традиций и особенностей существования. В представленной статье предпринята попытка осмыслить имеющиеся противоречия.

Ключевые слова: «Очерки бурсы», духовные учебные заведения, история Русской Церкви, история духовного образования в пореформенной России.

SOME REFLECTIONS ON CONTEMPORARY STUDIES IN HISTORY OF THEOLOGICAL EDUCATION IN THE RUSSIAN EMPIRE: UNSPOKEN TABOOS, ACADEMIC CENSORSHIP AND SELF-CENSORSHIP

Gaidenko Pavel I.

Moscow State Linguistic University,
Bauman Moscow State Technical University,
Moscow, Russia
prof.gaydenko@rambler.ru

Abstract. N.G. Pomyalovsky's book "Seminary ("Bursa") Sketches" is a vivid and convincing evidence of the life of lower and middle theological educational institutions in pre-revolutionary Russia. This book was written in lively and imaginative language of the mid-19th century, but it turned out to be understandable to readers of later eras. However, the images of this work and realities, described here and confirmed in many other works of art and diary entries about the life of the seminaries and theological schools ("bursa"), come into conflict with the reconstructions of the inner life of theological educational institutions in contemporary academic publications. Researchers either try to ignore the internal disorders of these schools, or diligently reduce the impact of these problems on the life of the church and the educational corporations themselves. One of the most important reasons for the appearance of such formal and superficial publications is the conscious refusal of contemporary historians to see a specific environment, alive people and special interpersonal and social relations behind the social and political processes that took place in theological educational institutions. This situation calls into question the academic conscientiousness of both this approach to the study of religious life and the rejection of anthropological approaches to the reconstruction of the past. No less a problem is the lack of understanding by most researchers of the peculiarities of the life of theological schools, their traditions and peculiarities of existence. The author of presented article attempts to comprehend these contradictions.

Keywords: "Seminary ("Bursa") Sketches", theological educational institutions, the history of the Russian Church, the history of theological education in in post-reform Russia.

Цитирование: Гайденко П.И. Некоторые размышления о современных исследованиях по истории духовного образования в Российской империи: негласные табу, академическая цензура и самоцензура // Новое прошлое / The New Past. 2024. № 1. С. 96–106. DOI 10.18522/2500-3224-2024-1-96-106 / Gaydenko P.I. Some Reflections on Contemporary Studies in History of Theological Education in the Russian Empire: Unspoken Taboos, Academic Censorship and Self-Censorship, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2024. No. 1. Pp. 96–106. DOI 10.18522/2500-3224-2024-1-96-106.

© Гайденко П.И., 2024

Проблема нестроений в духовных учебных заведениях сама по себе весьма специфична. С одной стороны, как и большинство проблем, рожденных социально-антропологическими процессами, она обладает несомненным потенциалом и притягательностью, способными пробудить к себе живой интерес в значительном кругу исследователей. С другой стороны, она по сей день остается интересной лишь для узкого круга ученых и читателей, причем исследователей и читателей таких же специфических, как и сама проблема. Прежде всего это тонкий пласт специалистов, большинство которых в той или иной мере связаны с церковью. Ну и, конечно, сами учащиеся духовных школ, для которых «Очерки бурсы» по сей день остаются энциклопедией семинарской жизни — несмотря на то, что отраженное в книге касалось не семинарий, а духовных училищ (бурс). Скорее всего, это объясняется тем, что невзирая на декларируемую связь с обществом (независимо от того, кто является источником таких деклараций) церковь и ее институты воспринимаются в обществе как особый, отделенный от большей части населения страны мир, происходящее в котором подсудно лишь ему самому, со своей правдой и своими представлениями о добре и зле. Именно поэтому «Очерки бурсы», кажется, никогда не воспринимались как социальное произведение общероссийского размаха. В них видели нечто забавное, немного пошлое, вместе с тем образное и пронзительно искреннее чтиво. Не более того. В какой-то мере этому способствовало само произведение. Рисуя крайне неприглядную и ненормальную жизнь бурсаков, Н.Г. Помяловский тем не менее не выносил моральных уроков, не искал оправдания и не стремился к обличению дурных нравов. Он просто описывал то, о чем хорошо знал, придав местами рассказанному черты черного причетнического юмора, забавного повествования и даже дворового романтизма шпаны [Помяловский, 1865]. Именно эта особенность «Очерков» существенно рознит их с иной русской литературой XIX–начала XX в.

Н.В. Гоголь в своих «Ревизоре» и «Мертвых душах» обличал дворянство. В последующем этим же путем двигались и другие писатели середины и второй половины XIX в., например, А.П. Чехов, описавший нравы интеллигенции своего времени. Н.Г. Помяловский же преподнес уродливую и безнравственную жизнь низшей духовной школы в качестве своего рода естественной данности и даже нормы (что было далеко не так), заслуживающей разве что только мужских и юношеских смешков, но никак не исправления. В результате ни автор произведения, ни сами читатели не оказываются перед проблемой того, что со временем вся эта бурсацкая масса, со всеми ее неприглядными привычками и нравами, займет свое место в церкви и станет той силой, которая приведет русскую церковную и культурную жизнь к грандиозному кризису первых десятилетий XX в. Правда, отмеченное «достоинство» этого художественного произведения хорошо осознали в советскую эпоху, когда «Очерки бурсы» стали массово публиковаться и читаться. Они оказались ярким и эмоционально-убедительным обоснованием тех претензий, которые советская власть имела к церкви, что, конечно же, служило интересам пропаганды. Действительность, разумеется, была сложнее, поскольку из стен лучших духовных

заведений вышло немало и достойных лиц¹, однако образы бурсацкой повседневности, благодаря своей литературной наглядности, воспринимались в качестве очевидной нормы. И все же нельзя отрицать того, что проблемы внутри духовных школ имели место, и, как показали революционные события 1905–1907 гг., в которых учащиеся духовных училищ и семинарий успели «отметиться», во многом Н.Г. Помяловский был прав. Однако почему этот феномен церковного образования прошлого оказался мало востребован в современной научной среде? Почему его не удастся описать и осмыслить?

Действительно, невзирая на достаточную известность, проблемы духовных школ в социально-антропологическом разрезе долгие десятилетия не становились предметом научных исследований и дискуссий, а на каком-то этапе даже стали восприниматься как табуированные или по меньшей мере нежелательные для исследователей, поскольку неминуемо затрагивали множественные болевые точки церкви в целом. К этому оказались не готовы не только внутри религиозных институтов, но и в научной среде, которая — при всем своем скептическом отношении к церкви — предпочитала не вторгаться в вопросы внутрицерковной жизни и тем более социальной антропологии в религиозной и клерикальной среде, важность которых высоко оценивал еще академик Е.Е. Голубинский. Он первый в отечественной исторической науке акцентировал внимание не только на заслугах, но и на недостатках церковной среды как заслуживающих научного исторического осмысления [Голубинский, 1997].

Однако даже советская власть, в чьих руках оказались церковные архивы, материалы которых могли бы быть использованы в качестве убедительного доказательства обоснованности претензий нового строя к церкви, предпочла ограничиться публикацией «Очерков», а не проводить исследования внутренней жизни духовных школ. Это невнимание было столь явным, что породило в позднесоветском обществе наивный, но устойчивый миф о высоком уровне подготовки священнослужителей в семинариях Русской православной церкви. Первые серьезные исследования жизни духовных учебных заведений пришлось на постсоветский период. Феномен этого демонстративного безразличия советских исследователей к культурно- и социально-антропологическим темам лучше всего объяснил Л.С. Клейн. По его мнению, отказ советской науки от вторжения в область антропологических исследований был вызван как слабостью самих антропологических и культурологических подходов в советской гуманитаристике, так и нежеланием исследователей затрагивать темы пола, возраста, гендера, быта, нравов и их связи с поведением и общественными процессами [Клейн, 2014]. Пожалуй, это не было ханжеством в буквальном смысле данного слова. Скорее, в такой позиции проявлялись нравственные «пуританские» стереотипы, господствовавшие в советском обществе, и прежде всего в кругу советской интеллигенции. Последняя небезосновательно предпочитала избегать подобных тем и обоснованно опасалась скатывания к обсуждению

¹ В данном случае показательна работа Л. Манчестер о поповичах в миру [Манчестер, 2015]. Однако помимо данного исследования можно обратить внимание на то, что и отцы русской истории С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, М.Д. Приселков и многие другие представители российской науки были выходцами из церковной среды, чему — равно как и нарочитой их отстраненности от церковной среды — не придается должного значения при изучении их творчества.

интимных и неафишируемых сторон жизни духовенства. Такое «любопытство» неминуемо бросало бы тень осуждения не столько на изучаемую среду, сколько на самих исследователей. Сведёние критики церкви, как «классового» оппонента строителей коммунизма, к подобным темам представлялось недопустимой пошлостью, умаляющей идеалы борьбы за лучшее будущее. Именно этим, скорее всего, объясняется, что яркие и прямолинейные работы Е.Ф. Грекулова, прежде всего его «Нравы русского духовенства» [Грекулов, 1929], не воспринимались как научные и почти не находили поддержки в научной среде. В это же время книга Б.А. Романова «Люди и нравы Древней Руси» [Романов, 2013] с ее спокойным и не лишенным тонкого юмора повествованием, избавлявшим ее от идеологической одиозности, оказалась популярной, востребованной и не утрачивающей своего значения в кругу исследователей по сей день.

Итак, научный интерес к духовному образованию и жизни духовенства — явление позднее. Современники, имевшие вполне адекватное представление о состоянии нравственной и учебной жизни бурсаков, семинаристов и академистов, нуждались в практических переменах¹ и, не имея возможности изменить ситуацию, предпочитали литературное, художественное осмысление повседневной реальности в церковных учебных заведениях². Очевидно, проблема была остра и не составляла секрета для общества. Об этом можно судить даже по тиражам издававшихся художественных книг о семинарских и училищных буднях или же по популярности, какую имел фильм «Сашка-семинарист» у публики.

В то время как академическая профессура причины нестроений усматривала в вопросах учебно-организационного свойства [Глубоковский, 1897; Глубоковский, 1907], сами выпускники семинарий, знавшие ситуацию «изнутри», несколько иначе оценивали происходившее. Главными источниками крайне нелицеприятной атмосферы внутри духовных учебных заведений нижнего и среднего уровней им представлялись нравы, привычки, склонности и жизненные цели самих семинаристов и бурсаков, а также той сословной и семейной среды, из которой они происходили. В то же самое время крайне нелицеприятно оценивались действия большинства преподавателей и духовных лиц, несших служение в этих учебных заведениях. Редкие исключения выдающихся преподавателей в семинарской среде своей исключительностью лишь подчеркивали ненормальность внутреннего строя большинства семинарий и училищ. Вопросы неудачной организации учебного процесса становились лишь «благодатной» почвой для беспорядков. Показательно, что в воспоминаниях, письмах и записках В.О. Ключевского, А.В. Карташева, М.Д. Приселкова и многих других представителей науки, вышедших из семинарской среды, мы не встретим добрых слов об их семинарском прошлом. О нем предпочитали не вспоминать, как о чем-то постыдном, неприемлемом или по меньшей мере не заслуживающем внимания. Судя по всему,

¹ Нельзя не признать, что проблемы духовных школ и сопутствующие им беспорядки находили отражение в специальных докладах и сообщениях. Более того, проблемы фиксировались в дневниках семинаристов [Попова, 2018, с. 7–17].

² См., например, сочинения В.Т. Нарезного, М.Ф. Бурцева, А.А. Зеленецкого, И.С. Никитина [Нарежный, 1881; Бурцев, 1883; Зеленецкий, 1902; Никитин, 1912] и др., а также не менее примечательный приключенческий фильм 1915 г. о преступнике, бывшем семинаристе, — «Сашка-семинарист».

это осознавали и в академической среде. Показательно то, сколько сил в свое время было положено профессором Казанской духовной академии И.С. Бердниковым, чтобы его сын после семинарии получил право поступить в университет, а не в духовную академию [Хохлов, 2017, с. 52].

Однако уже первое знакомство с современными исследованиями обнаруживает настойчивое и аккуратное избегание авторами рассмотрения нравственных и внутренних проблем духовных школ, особенно если принять во внимание, что между 1880 и 1907 гг. внутри духовных учебных заведений отмечено 76 волнений и бунтов [Кечкин, 2023], и не заметить или приуменьшить эти процессы можно только при очень большом старании со стороны исследователей. Даже при том, что проблемы, например, тех же волнений и беспорядков в духовных школах, в том числе в духовных академиях, рассматривались, дело неминуемо сводилось авторами к осмыслению действий руководства, а не к самой ситуации как таковой в ее культурном, социальном и антропологическом разрезе [Сухова, 2006, с. 7–26; Кечкин, 2023; Филиппов, 2023]. Исключением на этом фоне представляются исследования А.А. Хохлова, а также О. Д. и А.Д. Поповых [Хохлов, 2017; Хохлов, 2016; Попова, 2017, с. 39–56].

И все же большинство работ, посвященных истории семинарий, в той части, которая посвящена трудностям духовных учебных заведений и нестроениям в их стенах, лишены и исследовательской смелости, и глубины. Достаточно ограничиться только некоторыми из таких диссертационных исследований. Так, например, в аккуратной и добросовестной диссертации А.В. Сушко, посвященной семинариям в пореформенной России, проанализирован социальный состав духовных школ, но автор ограничился самыми «безопасными» и «нейтральными» темами: динамикой численности учащихся, их сословной принадлежностью, образовательным уровнем, семейным положением учащихся и профессорско-преподавательского состава духовных семинарий России, ролью учащихся и преподавателей в революционно-освободительном движении России; обучением иностранцев, а также отношением учащихся и преподавателей духовных семинарий к воинской повинности. Даже при том, что задействованные обширные материалы исследования позволяли коснуться широкого пласта проблем духовных школ и обозначить их, автор предпочел ограничиться предельно общими выводами [Сушко, 1998].

Еще более показательна диссертация М.А. Адамова «Повседневная жизнь учащихся духовных семинарий Русской православной церкви в XVIII–начале XX веков», в которой проблемы внутренних нестроений в духовных учебных заведениях второй половины XIX–начала XX вв. вообще не прослеживаются. По сути, автор создал труд, рисующий картину едва ли не преуспевания и постоянного совершенствования этих учебных заведений, что далеко от действительности, которая была сложна и противоречива [Адамов, 2011].

Не менее показательны выводы еще одной диссертации – сочинения Д.В. Прахта «Тобольская духовная семинария в контексте реформ среднего духовного образования в XIX–начале XX вв.». Объясняя причины семинарских бунтов в Тобольске, автор заключил, что виной нестроений была ситуация в стране: «По мере нарастания общей политической нестабильности и напряженности в обществе и в целом в стране,

росла напряженность и в закрытом учебном заведении». В итоге, по мнению исследователя, причинами бунта в Тобольской семинарии объявлялись «борьба против начальства, которое ограничивало в той или иной мере их свободы», при этом «большинство требований касались организации учебно-воспитательного процесса» [Прахт, 2013, с. 21–22]. И вопрос даже не в том, насколько применима характеристика «закрытости» к духовным школам того времени, как и к современным семинариям, а в том — почему автор даже не попытался проанализировать среду «семинарских бунтовщиков» и их наставников в лице семинарских преподавателей? И число подобных диссертаций доминирует в современном научном нарративе.

Парадоксально, но современные исследования в области изучения истории духовного образования в России в XIX–начале XX вв. вступают в противоречие с тем, что и как писали об этой среде современники — обучавшиеся в духовных школах (училищах, семинариях и академиях) юноши, а также инспектировавшие и руководившие ими должностные лица и преподаватели. Если университеты для своих выпускников были альма-матер, то духовные учебные заведения уровня семинарий и тем более училищ у большинства своих «питомцев» никаких ностальгических чувств не вызывали. Как ни странно, но это касается и преподавательского состава данных заведений. Мемуары великого Н.Н. Глубоковского, а в наши дни — добрейшего Н.К. Гаврюшина — это воспоминания профессоров о своих академических, а не училищных или семинарских корпорациях. И не заметить это может только тот, кто не хочет этого видеть в принципе или кто вообще не понимает особенностей организации учебной жизни в духовных школах.

Тогда возникает вопрос: почему же так обстоит дело в отечественной науке, когда дело касается исследования и описания внутреннего строя семинарий и духовных училищ?

Принимая во внимание не только сами работы, но и историю авторов исследований, наиболее вероятными причинами очевидных «несовершенств» большинства научных публикаций в затронутой исторической области являются либо незнание реалий и особенностей церковной жизни как таковых, либо стремление к апологии вместо беспристрастного научного анализа. Иногда эти причины «успешно» сочетаются. Существенной методологической и мировоззренческой ошибкой большинства исследователей представляется их отказ видеть за социальными и политическими процессами, влияние которых действительно было грандиозным, конкретные личности и различные по размеру социальные группы с собственной культурой, психологическими, эмоциональными, кровнородственными и иными связями, традициями, мечтами и идеями. Это существенно обедняет работы, делая публикации пресными и лишенными мысли. Более того, это приводит читателя к тупику: если в Российской империи все было так логично и успешно в духовном образовании, то почему никто из семинаристов не поминал добрыми словом свои пенаты, а многие из них пополнили ряды нигилистов, революционеров, бомбистов и с энтузиазмом ринулись рушить тот мир, к окормлению которого их готовили? Наконец, почему духовные семинарии и училища XIX–начала XX вв. и сейчас ассоциируются в обществе и у читающей публики не с «хогвартсами», а с «бурсами», литературный образ которых проступает уже на страницах произведений В.Т. Нарезного и Н.В. Гоголя, а свои «канонические» формы обрел под пером Н.Г. Помяловского?

Не менее досадным обстоятельством видится самоцензура авторов, а также цензура диссертационных советов, предпочитающих сглаживать «неудобные» стороны прошлого, когда дело касается религиозных аспектов истории России. Как правило, на такие шаги идут из опасения попасть под критику со стороны духовенства. Между тем нельзя не признать, что в академической среде самой церкви на такую «аккуратность» и «поверхностность» мысли нередко смотрят с недоумением, хотя на уровне регионов ситуация, действительно, не проста. В любом случае, наблюдаемое – укор не в адрес церкви, в которой присутствует желание понять свое прошлое, а в адрес исследователей. Принимаясь за непростую историческую или иную тему, ученый должен понимать, что открывающаяся перед ним истина может оказаться нелицеприятной. И в этом случае согрешающему против нее автору неминуемо предстоит пройти через горнило не только божественного, но и научного «чистилища», возможным и заслуженным исходом чего порой оказывается лимб забвения. В такой ситуации остается только сожалеть о потраченном времени, упущенных возможностях и перспективах. Однако наблюдаемые неудачи имеют и свои очевидные «плюсы». История духовных учебных заведений дореволюционной России по-прежнему не вполне изучена, а значит, актуальна и имеет будущее. Остается только дожидаться появления добросовестных и искренних перед Богом и наукой авторов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Адамов М.А.* Повседневная жизнь учащихся духовных семинарий Русской православной церкви в XVIII–начале XX веков: автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Курск, 2011. 26 с.
- Бурцев М. Ф.* Владиславлев: Повесть из быта семинаристов и духовенства. Т. 1. СПб.: Тип. С. Добродеева, 1883. 498 с.
- Глубоковский Н.Н.* К вопросу о нуждах духовно-академического образования. СПб.: Типолиитография А.П. Лопухина, 1897. 24 с.
- Глубоковский Н.Н.* По вопросам духовной школы средней и высшей и об Учебном комитете при Святейшем синоде. СПб.: Синодальная типография, 1907. 148 с.
- Голубинский Е.Е.* История Русской церкви. Т. 1. Кн. 16: Первая половина тома. М.: Крутицкое Патриаршее подворье: О-во любителей церковной истории, 1997. 968 с.
- Грекулов Е.Ф.* Нравы русского духовенства. М.: Атеист, 1929. 51 с.
- Елисеев Г.З.* Бегство семинаристов; Причины этого бегства; Как можно устранить их и чем вообще можно поднять наше духовенство: Бегство семинаристов из семинарий в ун-ты и лицеи. СПб.: Тип. А.А. Краевского, 1876. 30 с.
- Зеленецкий А.А.* Митрополит Иоанникий и семинаристы-«народники»: (Отр. из воспоминаний). СПб.: Тип. А.П. Лопухина, 1902. 18 с.
- Кечкин И., священник.* Бунты в духовных школах и первая Русская революция. URL: https://history-mda.ru/konf_25_26_dek_2010/buntyi_v_duhovnyih_shkol-2_80.html (дата обращения – 12 декабря 2023 г.).
- Клейн Л.С.* История антропологических учений. СПб.: СПбГУ, 2014. 744 с.

- Левитов П.В.* Материальная необеспеченность преподавателей семинарий сравнительно со светскими чиновниками различных ведомств и влияние этого факта на отношение к ним общества и на ход воспитательного дела. Екатеринбург: Тип. братства св. Владимира, 1904. 5 с.
- Манчестер Л.* Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. Пер. с англ. А.Ю. Полунова. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 448 с.
- Нарежный В.Т.* Бурсак: Роман Нарежного. СПб.: Кн. маг. «Новое время», 1881. 374 с.
- Никитин И.С.* Дневник семинариста. М.: А.С. Панафидина, 1912. 131 с.
- Помяловский Н.Г.* Очерки бурсы. СПб.: Тип. Рюмина и К°, 1865. 247 с.
- Попова О.Д., Попова А.Д.* Бунтующая семинария: протестное движение в духовых учебных заведениях (вторая половина XIX–начало XX веков) // *Новый исторический вестник*. 2017. № 2(52). С. 39–56.
- Попова О.Д.* Материалы ревизий духовно-учебных заведений как исторический источник и их роль в прочтении мемуаров семинаристов // *Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина*. 2018. № 1(58). С. 7–17.
- Практ Д.В.* Тобольская духовная семинария в контексте реформ среднего духовного образования в XIX–начале XX вв.: автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Барнаул, 2013. 24 с.
- Романов Б.А.* Люди и нравы Древней Руси. М.: Ломоносов, 2013. 224 с.
- Сухова Н.Ю.* Несостоявшаяся духовно-учебная реформа 1890-х годов // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви*. 2006. № 2(20). С. 7–26.
- Сушко А.В.* Духовные семинарии в пореформенной России: 1861–1884 гг.: автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. СПб., 1998. 27 с.
- Филиппов Ю.* Революционное движение и Духовные Школы России в конце XIX–начале XX веков. URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/060411150717.htm> (дата обращения – 12 декабря 2023 г.).
- Хохлов А.А.* Протестное движение воспитанников Казанской духовной семинарии в конце XIX–начале XX в.: причины, формы, специфика: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Казань, 2016. 200 с.
- Хохлов А.А.* Семинарское бунтарство: вехи истории Казанской духовной семинарии. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2017. 204 с.

REFERENCES

- Adamov M.A. *Povsednevnyaya zhizn' uchashchihsya duhovnyh seminariy Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v XVIII–nachale XX vekov* [The Daily Life of Students of Theological Seminaries of the Russian Orthodox Church in the 18th – early 20th centuries]. Abstract of the dissertation of the candidate of Historical sciences: 07.00.02. Kursk, 2011. 26 p. (in Russian).

Burtsev M.F. *Vladislavlev: Povest' iz byta seminaristov i duhovenstva* [Vladislavlev: A Story from the Life of Seminarists and Clergy]. Vol. 1. St. Petersburg: Tip. S. Dobrodeeva, 1883. 498 p. (in Russian).

Glubokovskiy N.N. *K voprosu o nuzhdah duhovno-akademicheskogo obrazovaniya* [On the Question of the Needs of Spiritual and Academic Education]. St. Petersburg: Tipolitografiya A.P. Lopukhina, 1897. 24 p. (in Russian).

Glubokovskiy N.N. *Po voprosam duhovnoj shkoly srednej i vysshej i ob Uchebnom komitete pri Svyatejshej sinode* [On the Issues of the Theological School of Secondary and Higher Education and on the Educational Committee at the Holy Synod]. St. Petersburg: Synodalnaya tipografiya, 1907. 148 p. (in Russian).

Golubinskiy E.E. *Istoriya Russkoy tserkvi* [History of the Russian Church]. Vol. 1. Book 16: The first half of the volume. Moscow: Krutitskoye patriarshee podvor'e, 1997. 968 p. (in Russian).

Grekulov E.F. *Nravy russkogo dukhovenstva* [Morals of the Russian Clergy. Ed. 3rd edition]. Moscow: Ateist, 1929. 51 p. (in Russian).

Eliseev G. Z. *Begstvo seminaristov; Prichiny etogo begstva; Kak možno ustranit' ih i chem voobshche možno podnyat' nashe duhovenstvo: Begstvo seminaristov iz seminarij v un-ty i litsei* [The Escape of Seminarists; The Reasons for This Flight; How Can They Be Eliminated and How Can Our Clergy Be Raised in General: The Escape of Seminarists from Seminaries to Universities and Lyceums]. St. Petersburg: Tip. A.A. Krayevskogo, 1876. 30 p. (in Russian).

Zelenetsky A.A. *Mitropolit Ioannikij i seminaristy-"narodniki": (Otr. iz vospominaniy)* [Metropolitan John and the Seminarists-"Populists": (from the memoirs)]. St. Petersburg: Tip. A.P. Lopukhina, 1902. 18 p. (in Russian).

Nikitin I.S. *Dnevnik seminarista* [Diary of a seminarist]. Moscow: A.S. Panafidin, 1912. 131 p. (in Russian).

Kechkin I., priest. *Bunty v duhovnykh shkolakh i pervaya Russkaya revolyutsiya* [Riots in Theological Schools and the First Russian Revolution]. Available at: https://history-md.ru/konf_25_26_dek_2010/buntyi_v_duhovnyih_shkol-2_80.html (accessed 12 December 2023) (in Russian).

Klein L.S. *Istoriya antropologicheskikh ucheniy* [The History of Anthropological Teachings]. St. Petersburg: SPbGU, 2014. 744 p. (in Russian).

Levitov P.V. *Material'naya neobespechennost' prepodavateley seminarij sravnitel'no so svetskimi chinovnikami razlichnykh vedomstv i vliyanie etogo fakta na otnoshenie k nim obshchestva i na hod vospitatel'nogo dela* [The Material Insecurity of Seminary Teachers in Comparison with Secular Officials of Various Departments and the Impact of This Fact on the Attitude of Society towards Them and on the Course of Educational Work]. Yekaterinograd: Tip. bratstva sv. Vladimira, 1904. 5 p. (in Russian).

Manchester L. *Popovichi v miru: dukhovenstvo, intelligentsiya i stanovlenie sovremennogo samosoznaniya v Rossii* [Holy Fathers, Secular Sons: Clergy, Intelligentsia, and the Modern Self in Revolutionary Russia]. Translated from English by A.Y. Polunov. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2015. 448 p. (in Russian).

- Narezhny V.T. *Bursak: Roman Narezhnogo* [Bursak: Narezhny's Novel]. St. Petersburg: Kn. mag. Novoye Vremya, 1881. 374 p. (in Russian).
- Pomyalovsky N.G. *Ocherki bursy* [Essays of bursa]. St. Petersburg: Tip. Ryumina i C°, 1865. 247 p. (in Russian).
- Popova O.D., Popova A.D. Buntuyushchaya seminariya: protestnoe dvizhenie v duhovnykh uchebnykh zavedeniyakh (vtoraya polovina XIX–nachalo XX vekov) [The Rebellious Seminary: The Protest Movement in Spiritual Educational Institutions (the Second Half of the 19th–early 20th centuries)], in *Novyy istoricheskiy vestnik*. 2017. No. 2(52). Pp. 39–56. (in Russian).
- Popova O.D. Materialy reviziy duhovno-uchebnykh zavedeniy kak istoricheskiy istochnik i ikh rol' v prochtenii memuarov seminaristov [Materials of Revisions of Theological Educational Institutions as a Historical Source and Their Role in Reading the Memoirs of Seminarians], in *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina*. 2018. No. 1(58). Pp. 7–17. (in Russian).
- Prakht D.V. *Tobol'skaya dukhovnaya seminariya v kontekste reform srednego dukhovnogo obrazovaniya v XIX–nachale XX vv.* [Tobol'sk Theological Seminary in the Context of Reforms of Secondary Spiritual Education in the 19th–early 20th centuries]: abstract of the dissertation of the candidate of historical sciences: 07.00.02. Barnaul, 2013. 24 p. (in Russian).
- Romanov B.A. *Lyudi i nrvy Drevney Rusi* [People and Customs of Ancient Rus']. Moscow: Lomonosov, 2013. 224 p. (in Russian).
- Sukhova N.Y. Nesostoyavshayasya dukhovno-uchebnaya reforma 1890-h godov [The Failed Spiritual and Educational Reform of the 1890s], in *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*. 2006. No. 2(20). Pp. 7–26. (in Russian).
- Sushko A.V. *Duhovnye seminarii v poreformennoy Rossii: 1861–1884 gg.* [Theological Seminaries in Post-reform Russia: 1861–1884]: abstract of the dissertation of the candidate of Historical Sciences: 07.00.02. St. Petersburg, 1998. 27 p. (in Russian).
- Filippov Yu. *Revolyutsionnoe dvizhenie i Duhovnye Shkoly Rossii v kontse XIX–nachale XX vekov* [The Revolutionary Movement and the Theological Schools of Russia in the Late 19th–Early 20th centuries]. Available at: <http://www.pravoslavie.ru/put/060411150717.htm> (accessed 12 December 2023) (in Russian).
- Khokhlov A.A. *Protestnoe dvizhenie vospitannikov Kazanskoj dukhovnoy seminarii v kontse XIX–nachale XX v.: prichiny, formy, spetsifika* [The Protest Movement of Pupils of the Kazan Theological Seminary in the late 19th–20th Centuries: Causes, Forms, Specifics]: dissertation... Candidate of Historical Sciences: 07.00.02. Kazan, 2016. 200 p. (in Russian).
- Khokhlov A. A. *Seminarskoe buntarstvo: vekhi istorii Kazanskoj dukhovnoy seminarii* [Seminary rebellion: milestones in the history of the Kazan Theological Seminary]. Kazan: Publishing house of Kazan University, 2017. 204 p. (in Russian).

Статья принята к публикации 21.01.2024